

г. Аудагост, пограничная территория владений халифа Абдаллаха ибн Ясина из династии Альморовидов, год 1056

(в настоящее время г. Тегдауст, провинция Восточный Ход республики Мавритания).

Пробиваясь сквозь рассветную дымку, лучи утреннего солнца осветили бедуинский шатер на краю пальмовой рощи.

Песчаная дорога, окаймленная акациями и кустарниками, поднималась на пустынный бархан и там, извиваясь, терялась из вида в бескрайних песках великой пустыни.

— Аль-Мажнун!¹ Где ты, бездельник?! Да укоротит Аллах милостивый и милосердный твои гнусные дни! — кричал, негодуя, всадник в черной расшитой золотыми звездами и полумесяцами чалме и синем атласном халате, богато украшенном золотыми узорами.

— Я здесь, о великий звездочет халифа и мудрейший из прорицателей, достопочтенный аль-Фарух ибн Сауд! — отвечал невысокого роста человек с длинным носом, в большой остроконечной черной шляпе звездочета.

Неловко отодвинув полог шатра, он с кряхтением попытался выбраться наружу, цепляясь длинными рукавами черного халата за нехитрые предметы кочевого обихода.

За откинутым пологом шатра отчетливо мелькнуло очень приятное женское лицо молодой берберки².

— Вот тебе 500 мискалей, мешок золотого песка и три золотых динара! купишь 20 невольников, 10 верблюдов, пригодных для длительного перехода, 30 муддов пшеницы, 30 баранов и коз, специй же, воды и пряностей возьмешь на 40 дней пути! Мы отправляемся завтра с рассветом! — произнес аль-Фарух, кидая тяжелые вьюки на песок перед склонившимся в почтении аль-Мажнуном, и со словами — «Найдешь меня в моем шатре!» — он так же неожиданно исчез в клубах пыли, как и появился.

— Слушаю и повинуюсь, о великий звездочет халифа, — произнес аль-Мажнун, обращаясь к тому месту, откуда еще совсем недавно слышался голос его хозяина.

Взвалив мешки на спину, аль-Мажнун побрел вдоль тенистых акаций по дороге, ведущей в город. Лучи жаркого сахарского солнца, проходя через густые ветви акаций, прорезая клубы пыли, вздымавшиеся от стад овец и караванов верблюдов местных торговцев, напоминали библейские «столпы света», освещавшие путь утомленных странников.

«Надо спешить, — думал аль-Мажнун, тяжело ступая по пыльной дороге своими остроконечными сандалиями с загнутым верхом. — Хозяин серьезен как никогда! В прошлый раз он обещал превратить меня в жабу за то, что я соблазнил дочку торговца финиками, а сейчас, если я буду нерасто-ропным, он выполнит свое обещание!» — так он рассуждал, волоча нелегкую ношу.

Прямо у ворот города аль-Мажнун увидел процессию всадников халифа Абдаллаха, стремительно продвигавшуюся меж склонившихся в почтении торговцев, путников и горожан.

— Слушайте! Слушайте! Имеющий уши да услышит! — кричал первый всадник в украшенном золотом черном тюрбане.

— Повелитель правоверных, халиф Абдаллах, да укрепит его Аллах своей поддержкой, да окружит его своими милостивыми делами, выступает в поход в Магрибские земли для обращения неверных в истинную веру! Да поможет ему Аллах великий, и да сохранит он повелителя правоверных! Всем же услышавшим милосердный халиф Абдаллах велит внести десятую часть своего дохода в знак признания и одобрения деяний милосердных рук его! Отказавшихся внести мизерную плату ждет неминуемая смерть!

Последние фразы всадника утонули в оглушительном реве труб музыкантов халифа. Процессию сопровождали пешие воины халифа, бесцеремонно вырывавшие деньги, украшения и драгоценности из рук торговцев и горожан.

Товар складывали в повозки, к ним же наспех привязывали верблюдов, скот и лошадей.

Узнав, что аль-Мажнун является слугой великого аль-Фаруха ибн Сауда, воины халифа не взяли с него платы и беспрепятственно пропустили в город, не причинив ему вреда.

Пройдя знакомыми улочками, утопающими в зелени акаций, финиковых пальм и дикого винограда, аль-Мажнун свернул у мечети на улицу, ведущую к рынку.

Тем временем во дворце халифа Абдаллаха ибн Ясина на совет собрались все придворные вельможи, военачальники и предсказатели.

Невысокого роста, сухощавый, с черной бородой и очень смуглым лицом, одетый в синий тюрбан, украшенный золо-

том и сапфирами, черный парчовый халат богатого золотого шитья, халиф Абдаллах, повелитель племен и народов от Испании и до пределов царства Ганы, восседая на золотом троне, внимательно слушал своего военачальника Йахья ибн Омара. Йахья ибн Омар неторопливо излагал план предстоящего похода, пытаясь как можно подробнее аргументировать свои предложения.

Дворец правителя Аудагоста, еще два года назад принадлежавший одному из вождей черных племен сонинке³ могущественной империи Гана, был богато украшен золотом и драгоценными камнями.

Стены дворца изобиловали расписанными золотом фресками. Драгоценные камни, использованные в арабской мозаике, поражали воображение.

Золотой фонтан в окружении финиковых пальм с приятным журчанием раскидывал потоки воды, разлетавшиеся на тысячи играющих на солнце алмазных брызг, создавая атмосферу неописуемой восточной роскоши, умиротворения и прохлады.

— О всесильный повелитель правоверных! — продолжал свою речь военачальник Йахья ибн Омар, — милостью Аллаха всемогущего и милосердного, мы не можем сразу пойти на великий магрибский город Сиджильмаса⁴, не усилив нашу армию пешими и конными воинами наших союзников.

Из Аудагоста армия великого халифа отправится в город Тимбукту. Там правитель города Мусса ибн Халид милостиво предоставит нам 10 тысяч пеших и 5 тысяч конных мессуфа⁵. Пополнив в Тимбукту запасы воды и продовольствия, мы выдвинемся в город Атар, и уже из Атара обрушим наши

клинки на головы неверных Магриба, — представил он свой план великому правителю.

— План твой хорош, Йахья ибн Омар, но что скажет великий Фарух ибн Сауд, кому Аллах милостивый и милосердный доверил узнавать его волю по знакам и звездам? — произнес халиф, обращаясь к предсказателю и звездочету аль-Фаруху.

— О великий повелитель правоверных! План Йахьи ибн Омара воистину безупречен, но звезды говорят, что поход армии великого халифа обречен на бесконечные сражения с превосходящими силами неверных! — отвечал аль-Фарух ибн Сауд, окидывая беглым взглядом лица собравшихся приближенных халифа.

— Так ты предрекаешь поражение?! — изумляясь, произнес халиф, поднимаясь с трона.

— О великий повелитель правоверных! Я не могу ничего предрекать, я лишь имею способность узнавать волю Аллаха всемогущего и милосердного в знаках и звездах, — сказал аль-Фарух, склоняясь в почтении.

— У меня были совершенно другие намерения! Я собирался возглавить поход и дойти до магрибского города Фес, куда, как мне стало известно по воле Аллаха милосердного, недавно прибыл мой учитель и наставник Абу-Имран-Мусса, — произнес халиф, в раздумьях всматриваясь в сверкающие в лучах солнца брызги фонтана.

— О великий халиф! — продолжал аль-Фарух, склонившись перед повелителем. — Я понимаю, насколько важно для вас увидеть вашего учителя и наставника Абу-Имрана-Муссу. Но знаки Аллаха всевышнего и милосердного, которые мне удалось прочитать, указывают на то, чтобы вы, о великий

Совет во дворце великого халифа

и премудрый правитель правоверных, остались с частью войска в городе, — произнес аль-Фарух в почтённом поклоне.

— Ты смелый человек, аль-Фарух! Тебе всегда удавалось известными лишь тебе одному способами прочесть по знакам и звездам волю Аллаха всевышнего и милосердного, — задумчиво произнес халиф Абдаллах. — Я последую воле Аллаха всевышнего и останусь в городе, армию же поведет в поход эмир Йахья ибн Омар, — приняв непростое решение, заключил халиф, завершая совет.

— Слушаем тебя, о великий повелитель правоверных, и повинемся! — ответили собравшиеся, склонившись в почтении перед великим халифом.

РЫНОЧНЫЕ ПРОДЕЛКИ АЛЬ-МАЖНУНА

Тем временем аль-Мажнун уже сновал меж шумных рядов торговцев, настойчиво и наперебой предлагавших купить их товар.

Он бросал лукаво-оценивающие взгляды на девушек и женщин, прихватил по привычке гроздь бананов и горсть фиников у зазевавшихся торговцев и, совсем забыв о поручении хозяина, не удержался и все-таки увязался за берберкой с весьма пышными формами.

Следуя за красавицей, аль-Мажнун не заметил, как пересек площадь шумного рынка и оказался в роще финиковых пальм.

Посреди опушки на выгоревшей от солнца траве на льяных вьюках аккуратно лежали куски соли различных размеров. Напротив каждого куска так же аккуратно были выложены золотые слитки и мешки с золотым песком.

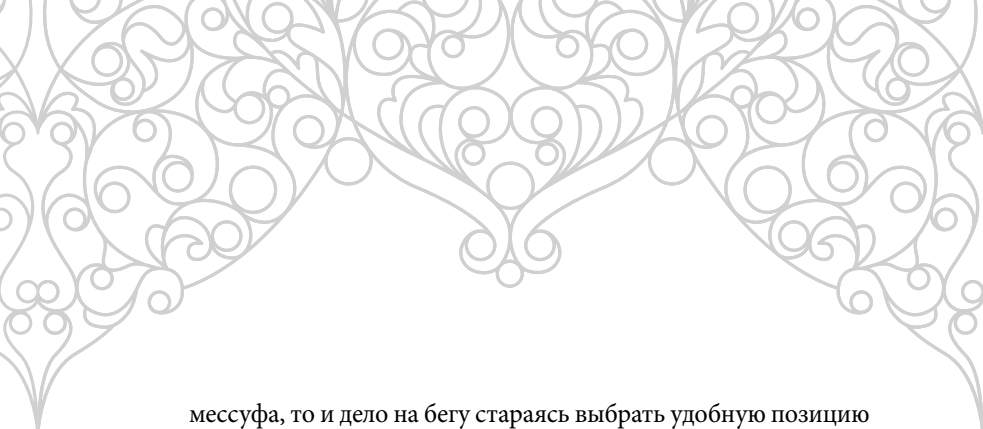
Ни секунды не раздумывая, со словами: «У хозяина этого добра полно, а у меня совсем нет!» — аль-Мажнун ловко закинул в свой мешок пару кусков соли и пару слитков золота. Несмотря на заметно потяжелевшую ношу, в душе аль-Мажнуна появилась внезапная радость, а в ногах необычайная легкость.

Сандалии с загнутым верхом, почти не касаясь земли, несли его обратно в сторону рынка.

Взбираясь на высокую стену, отделявшую рынок от остальной части города, аль-Мажнун услышал за спиной громкие крики преследовавших его торговцев.

— Держи вора! Он украл мою соль! — кричал обвязанный черной чалмой, в длинном коричневом халате чернокожий

мессуфа, то и дело на бегу стараясь выбрать удобную позицию для броска копья.

— Этот негодяй украл мое золото! — вопил одетый в синий тюрбан и ярко оранжевые парчовые штаны бербер-санхаджа, размахивая кривой бедуинской саблей, яростно пытаясь опередить чернокожего мессуфа и первым настигнуть пронырливого воришку.

Перебравшись через увитую плющом и диким виноградом стену и не без труда увернувшись от ударившего рядом с ногой копья, аль-Мажнун растворился в шумной толпе рынка.

Сбивая попадавших на пути прохожих и ловко перекатываясь через повозки, груженные арбузами и дынями, аль-Мажнун вдруг оказался у дверей лавки знакомого торговца парчой.

Машинально сунув в руку торговца маленький мешочек золотого песка, заблаговременно припрятанный в кармане халата, аль-Мажнун исчез за дверями лавки.

— Мустафа! Скорее неси индиго и одежду знатного сонинке, — выпалил аль-Мажнун, переводя дыхание.

— Аль-Мажнун! Но здесь песка лишь на один тюрбан! — возмутился торговец.

— Я расплачусь с тобой, как только оденусь! Да, и еще: ты меня здесь не видел! За это получишь отдельную плату! — произнес аль-Мажнун, запихивая колпак, халат и сандалии с загнутым верхом в холщовый вьюк.

Оглядев аль-Мажнуна со всех сторон, торговец Мустафа отметил его потрясающее сходство с вельможей сонинке. Синий тюрбан с серебряной заколкой в виде полумесяца в сочетании с коричневым халатом и синими парчовыми шарова-

Аль-Мажнун на рынке Аудагоста занят привычными делами: ворует финики и выслеживает женщин

рами очень подходили к вновь приобретенному с помощью индиго, иссиня-черному цвету лица, рук и ног, подчеркивая знатность происхождения владельца.

— Точно для меня берет! Все как по мне шито! — воскликнул аль-Мажнун, оглядывая себя в зеркале.

Расплатившись с торговцем, аль-Мажнун, уже в новом обличи направился выполнять распоряжения хозяина аль-Фаруха.

Не пройдя и десяти шагов от лавки торговца парчой, он внезапно наткнулся на своих преследователей.

— Смотрите, господин! — кричал чернокожий мессуфа берберу-санхаджа, указывая острием копья на аль-Мажнуна.

— Это он! Это точно он!

— Да что ты говоришь?! Глупый раб! Да укоротит Аллах милостивый и милосердный твой длинный язык! Тот был бербер, в большом черном колпаке и черном халате! А этот черный вельможа сонинке, в синем тюрбане, коричневом халате и синих парчовых шароварах! — произнес, негодуя, бербер-санхаджа.

— Скорее ищи вора! И не раздражай меня своими глупыми домыслами! — добавил он, пытаясь разглядеть в бурлящей толпе рынка запомнившийся ему остроконечный колпак со звездами.

Нагрузив дородных и весьма откормленных верблюдов бурдюками с водой, глиняными амфорами с зерном и тюками с продовольствием, накормив и напоив вновь приобретенных черных невольников и невольниц, аль-Мажнун повел караван в направлении городских ворот.

«Узнает ли аль-Фарух о моей маленькой шалости на рынке?» — размышлял аль-Мажнун, погоняя верблюдов и скот и время от времени покрикивая на черных невольников.

Шум городских улиц остался далеко позади, впереди за городскими стенами простиралась, переливаясь песчаными волнами, великая пустыня.

Жаркое сахарское солнце медленно клонилось к горизонту, раскрашивая синюю гладь неба в мягкие розовые тона.

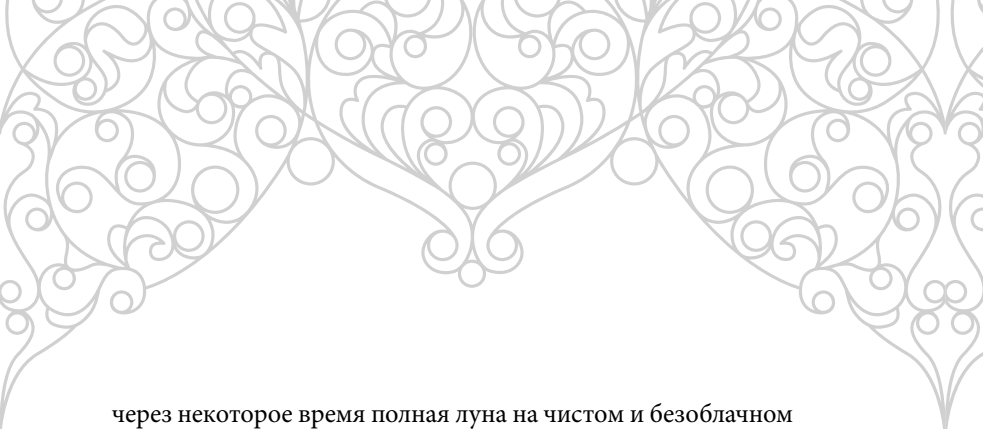
ВЕЛИКИЕ ТАЙНЫ ЗВЕЗДОЧЕТА

Аль-Мажнун вдруг вспомнил, что когда-то давно он был кагибом⁶ и одновременно поверенным в делах самого эмира⁷ города Мемы⁸. За свою работу он был пожалован четырьмя тысячами мискалей, но, решив получить еще такую же сумму, не придумал ничего лучше, как пожаловаться эмиру, что деньги у него украли.

Призвав верховного судью города Абу аль-Дауда, эмир пригрозил ему смертной казнью, если тот не доставит ему похитителя. Судья Абу аль-Дауд искал укравшего, но не нашел никого, ибо в городе не было ни единого вора. Тогда он явился в дом катиба аль-Мажнуна и сурово допросил его слуг, угрожая им смертью. И одна из невольниц аль-Мажнуна сказала ему: «Ничего у него не пропало, просто он собственной рукой зарыл эти деньги», — и показала место судье. Судья извлек золото, принес его эмиру, сообщив всю историю. Эмир разгневался на аль-Мажнуна и изгнал его в страну неверных, которые поедают людей. Аль-Мажнун пробыл у них четыре года, потом по личной просьбе звездочета халифа аль-Фаруха эмир вернул аль-Мажнуна в город и отдал его в услужение звездочету.

А черные не съели аль-Мажнуна лишь из-за белого цвета его кожи, ибо они говорили, будто поедание белого вредно, так как он не созрел, черный же цвет, по их мнению, означал вполне созревшую еду...

Вспоминая о своих злоключениях и о доброте и премудрости великого прорицателя и звездочета аль-Фаруха, аль-Мажнун не заметил, как на город опустились сумерки. Уже

через некоторое время полная луна на чистом и безоблачном небе в окружении мириад звезд освещала путь каравана аль-Мажнуна.

Добравшись до шатра аль-Фаруха, привязав скот и развьючив верблюдов, он расположил невольников на ночлег в пальмовой роще, раздав всем циновки и разрешив развести огонь. Пересчитав еще раз количество бурдюков, амфор и вьюков, а также мешочки с остатками золотого песка, аль-Мажнун направился к шатру хозяина. Откинув полог шатра, он позвал аль-Фаруха, но, к своему удивлению, обнаружил, что шатер пуст.

— «Где же он может быть? Ведь конь его здесь», — рассуждал аль-Мажнун, огибая пальмовую рощу и углубляясь в пустыню.

Взобравшись на бархан, аль-Мажнун оцепенел от увиденного: огненный круг в свете луны и звезд, похожий на небесный шатер, весь светился от пиктограмм и магических знаков. В центре круга сидел аль-Фарух, а перед ним словно повисла в воздухе открытая книга с горящими буквами не виданного ранее языка.

Страницы книги перелистывались сами собой, при этом аль-Фарух что-то записывал, не переставая повторять какие-то заклинания.

Внимательно наблюдая из-за большого камня за происходящим, аль-Мажнун вдруг услышал полные негодования и возмущения вопли своего хозяина:

— Как? Преемник найдется через 941 год?! Их будет двое?! Что значит один придет с севера, а другой наполовину с севера, а наполовину с востока?! Как это моя книга, в которой собра-

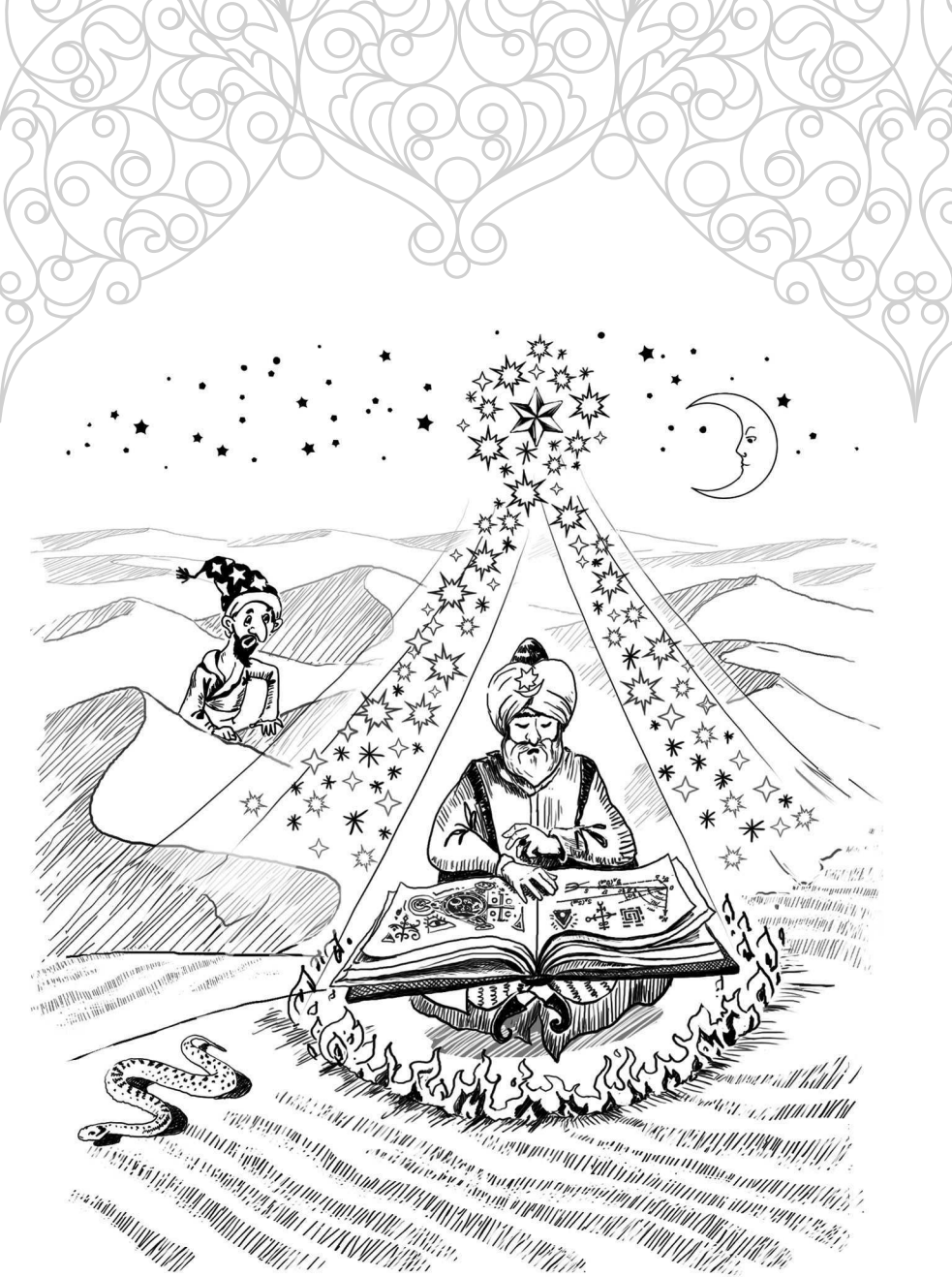

но знание всех моих предшественников, будет принадлежать жуликам и пройдохам?! Что?! Ею будут убивать тараканов и резать на ней соленую рыбу?! Кто такой Леопольд?!

Громкие крики негодования аль-Фаруха растворились в ночной пустыне, отозвавшись, как показалось аль-Мажнуну, откуда-то из глубины песков чуть слышным эхом: «Такова воля, такова воля...». Как только затихли, потерявшись где-то между звездным небом и величественными песками Сахары, последние, едва различимые отголоски эха, в мгновение ока исчезли и книга, и огненный круг, и магические знаки, оставив великого звездочета халифа наедине с безмолвной пустыней.

— Вот теперь-то уж точно надо спешить! — бубнил себе под нос аль-Мажнун, ловко скатываясь с бархана.

Великий звездочет халифа мог и не догадываться о существовании другой книги, которую его слуга аль-Мажнун тайно писал для своего преемника. Обладая талантом к рисованию и достаточным словарным запасом для записи хозяйственных дел, аль-Мажнун не всегда понимал значение слов, не связанных с повседневной жизнью.

Испуганный аль-Мажнун наблюдает звездочета халифа в звездном шатре

РАЗМЫШЛЕНИЯ АЛЬ-МАЖНУНА

Поэтому мудреное слово «преемник» он заменил на более для него понятное слово — «подельник», снабдив для наглядности каждую страницу своей книги красочными рисунками «из жизни».

Изрядно запыхавшись, аль-Мажнун весьма быстро, как ему показалось, добрался до пальмовой рощи, где он расположил невольников и привязал скот и верблюдов.

— Где ты ходишь, прохвост?! — услышал он вдруг за спиной знакомый голос хозяина. — Золото, оставшееся от торговли, и пришедшее к тебе иным путем — оставь себе! До рассвета напои верблюдов и скот, а что накормил рабов и раздал всем циновки для ночлега — за это хвалю. За моим шатром найдешь 20 вьюков, крепи их на верблюдов с великой осторожностью, эти вещи бесценны, — отрывисто распорядился загадочно возникший будто из песка великий звездочет халифа.

Разворачиваясь в почтённом поклоне к неожиданно появившемуся хозяину, аль-Мажнун в свете луны все-таки уловил едва заметную тень печали и тревоги на лице великого звездочета.

— Приготовь караван к дальнему переходу! Не забудь укрыть все вьюки и амфоры мешками из верблюжьей кожи, нас ждет нелегкий путь, полный опасностей и невзгод! — услышал аль-Мажнун последние фразы хозяина, отозвавшись пришедшим откуда-то со стороны бескрайней пустыни эхом, в котором аль-Мажнун отчетливо различил несколько раз повторившиеся слова: «Путь невзгод, путь невзгод».